

Проза
великих

A black and white portrait of Pyotr Krasnov, a Russian military leader, wearing a military cap and uniform.

ПЁТР КРАСНОВ

A large, stylized cross with a black and white geometric pattern. In the center is a circular medallion featuring a colorful illustration of a knight on a white horse.

ЛОЖЬ

Проза великих

Петр Краснов

Ложь

«Алисторус»

1936

Краснов П. Н.

Ложь / П. Н. Краснов — «Алисторус», 1936 — (Проза великих)

Автобиографический роман генерала Русской Императорской армии, атамана Всевеликого войска Донского Петра Николаевича Краснова «Ложь» (1936 г.), в котором он предрек свою судьбу и трагическую гибель! В хаосе революции белый генерал стал игрушкой в руках масонов, обманом был схвачен агентами НКВД и вывезен в Советскую страну для свершения жестокого показательного «правосудия»... Сразу после выхода в Париже роман «Ложь» был объявлен в СССР пропагандистским произведением и больше не издавался. Впервые выходит в России!

© Краснов П. Н., 1936

© Алисторус, 1936

Содержание

О романе «Ложь» и его авторе	5
Часть первая	11
I	11
II	15
III	17
IV	19
V	21
VI	23
VII	27
VIII	29
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Петр Краснов. Генерал-майор, атаман Войска Донского Ложь

...сказал Иисус к Иудеям: «Ваш отец диавол, и вы хотите исполнять похоти отца вашего; он был человекоубийца от начала и не устоял в истине, ибо нет в нем истины; когда говорит он ложь, говорит свое, ибо он лжец и отец лжи».

Ев. от Иоанна. Гл. 8, ст. 31 и 34

О романе «Ложь» и его авторе

В Колонном зале Дома союзов – бывшем здании Московского Дворянского собрания – 16 января 1947 года была подведена роковая черта под жизнью белого и казачьего генерала, видного писателя русского зарубежья, Петра Николаевича Краснова.

На следующий день газета «Правда» опубликовала сообщение: «Военная коллегия Верховного суда СССР рассмотрела дело по обвинению арестованных агентов германской военной разведки, главарей вооруженных белогвардейских частей в период гражданской войны атамана Краснова П.Н., генерал-лейтенанта белой армии Шкуро А.Г., командира “дикой дивизии” генерал-майора белой армии князя Султана-Гирея Клыча, генерал-майоров белой армии Краснова С.Н. и Доманова Т.И., а также генерал-лейтенанта германской армии эсэсовца фон Паннвица в том, что по заданию германской разведки они в период Отечественной войны вели посредством сформированных ими белогвардейских отрядов вооруженную борьбу против Советского Союза и проводили против него шпионско-диверсионную и террористическую работу». Все обвиняемые были приговорены к смертной казни через повешение. В тот же день приговор был приведен в исполнение...

Представленный на суд читателя последний роман Краснова «Ложь» (закончен 27 марта 1939 года, и в том же году, незадолго до начала Второй мировой войны, опубликован в парижском издательстве В.П. Сияльского) еще при жизни автора был объявлен противниками генерала «нацистской агиткой». Роману «не повезло» – за все прошедшие со времени окончания войны десятилетия он не переиздавался, если не считать нескольких малодоступных широкой аудитории полукустарных малотиражных изданий, вышедших в России и Украине уже в 2000-е годы¹. Не вошел он и в изданное в 2012 году 10-томное собрание сочинений П. Краснова, вышедшее в библиотеке журнала «Огонек».

Между тем, уже один тот факт, что Краснов каким-то непостижимым, мистическим образом сумел предельно точно предсказать во «Лжи» собственную судьбу и смерть (главного героя романа, белого генерала Акантова, так же судили в колонном зале Дома Союзов, так же говорил он заранее заученные, казенные фразы, призванные продемонстрировать «раскаяние», и точно так же казнили в тот же день, почти сразу после объявления приговора), заставляет нас внимательнее посмотреть на это произведение и, разумеется, исторический контекст, в котором оно рождалось...

¹ В эти издания вкралась масса неточностей, технических ошибок и погрешностей, фразы на иностранных языках, в обилии встречающиеся в романе, были до неузнаваемости искажены.

Бурная, насыщенная ратной, политической, литературной и пропагандистской деятельностью, судьба генерала Краснова до сих пор вызывает жаркие споры апологетов и их оппонентов. Не менее оживленные дискуссии ведутся и вокруг его творчества...

Выходец из именитого казачьего рода, П.Н. Краснов родился 10 сентября 1869 года в Санкт-Петербурге. После окончания классической гимназии Петр поступил в кадетский корпус Императора Александра II. Здесь он впервые начал пробовать свои силы на литературном поприще, написав ряд небольших рассказов об отечественной истории. В 1887 году Краснов поступил в Павловское военное училище, окончив которое начал службу в престижном Лейб-гвардии Атаманском полку. С 1891 года очерки и рассказы хорунжего Краснова стали регулярно появляться в центральной военной газете Российской Империи – «Русский Инвалид», в «Петербургском Листке», «Биржевых Ведомостях», в журналах «Нива», «Вокруг Света» и «Военный Сборник». Первая книга Петра Николаевича, сборник «На озере», вышла в 1893 году. В это время окончательно сформировалась творческая тематика писателя: казачество и воинская служба.

В конце XIX века Краснов выполнял различные служебные задачи в Эфиопии, Китае, Индии, Турции, Персии... Захватывающие приключения военного путешественника нашли отражение в многочисленных повестях и рассказах, которые охотно и регулярно публиковались в столичных издательствах.

За участие в боевых действиях во время Русско-Японской войны Петр Николаевич был удостоен орденов Св. Анны и Св. Владимира. В 1910 году Краснов получил чин подполковника и был назначен командиром 1-го Сибирского казачьего полка, дислоцировавшегося на границе с Китаем. Впечатления, полученные в период службы у подножья Тянь-Шаня, легли в основу приключенческого романа «Амазонка пустыни». Несмотря на «легкий жанр», в котором было написано это произведение, Краснов оказался поразительно точен в своих оценках будущего потенциала Поднебесной.

Перед Первой мировой войной Краснов возглавил 10-й Донской казачий полк, расквартированный в Замостье Люблинской губернии Царства Польского. Здесь в августе 1914 года он встретил первые залпы великой катастрофы, в клочья разметавшей весь тот мир, который так дорог был для Краснова, и ностальгия по которому плотно пропитывает все межвоенное творчество писателя.

Спустя три месяца он был назначен командиром казачьей дивизии и произведен в генерал-майоры. За выдающиеся заслуги (в частности, за отличие во время Брусиловского прорыва) Краснов удостоился ордена Св. Георгия и Золотого Георгиевского оружия.

Напряжение ратных будней не заставило Петра Николаевича отложить перо. Все свободные часы и минуты он посвящал литературному творчеству. Находясь в лазарете после ранения в ногу, Краснов написал сборник новелл «Тихие подвижники. Венок на могилу солдата Императорской Российской Армии». Впоследствии этот сборник был переведен на 17 иностранных языков.

Трагические события 1917 года Краснов переживал крайне тяжело. Он не мог смириться ни с анархией периода Временного правительства, ни, тем более, с кровавыми бесчинствами большевистской диктатуры. Петр Николаевич был одним из первых, кто оказал красным вооруженное сопротивление, участвуя в наступлении на столицу. 2 ноября 1917 года Краснов оказался в плену у большевиков. В советское время генералу часто «ставилось в вину» то, что он «дал честное слово, что прекратит борьбу против советской власти». Советские авторы почему-то возмущались, что «он нарушил свое слово и тайно бежал из Петрограда на Дон, чтобы снова вступить в антисоветский лагерь»². Можно подумать, «обиженные» столь

² См., например: *Самойлов Е.* От белой гвардии – к фашизму / Неотвратимое возмездие. По материалам судебных процессов над изменниками Родины, фашистскими палачами и агентами империалистических разведок. М., 1974. С. 125.

«дерзким поступком» большевики ни разу не нарушали подписанных ими договоров, не говоря уж о словесных заверениях!..

Итак, Краснов продолжил борьбу на Дону. На Круге Спасения, в 1918 году, казаки выбрали его войсковым атаманом Всевеликого Войска Донского. В отличие от А.И. Деникина, ориентировавшегося на страны Антанты, Краснов, будучи монархистом, возлагал надежды на помощь вчерашнего противника – Германского рейха. Эта «германофильская» линия позже получила продолжение в виде почти безоговорочной коллаборации генерала с национал-социалистами...

Отменив декреты советской власти и Временного правительства, Краснов провозгласил создание Донской республики, которую он впоследствии планировал сделать самостоятельным государством. В тот момент он полагал, что в условиях победного шествия большевизма по дымящимся развалинам Российской Империи, нужно попытаться спасти от красных хотя бы что-то.

Германия признала Донскую республику. Однако это вызвало разлад в отношениях с Добровольческой армией Деникина, в которой его обвиняли в сепаратизме, в связях с немцами и отказывались помочь в борьбе с большевиками. Такие же взгляды разделяли и представители Антанты.

После поражения Германии в Первой мировой войне Донская армия в ноябре 1918 года оказалась на краю поражения, и Краснов принял решение об объединении с Добровольческой армией. В феврале 1919 года Краснов под нажимом Деникина вынужден был уйти в отставку, после чего уехал в Эстонию, в Северо-Западную армию генерала Н.Н. Юденича. Здесь он отвечал, в частности, за ведение пропагандистской работы и вместе с А.И. Куприным редактировал газету «Приневский край».

После поражения Белого дела, в 1920 году, он эмигрировал в Германию. С 1923 года он жил в Париже, а в 1936 году вновь вернулся в рейх. Краснов прожил на чужбине четверть века и все это время он совмещал писательский труд с бескомпромиссной борьбой против советской власти.

В 1921 – 1943 годах Краснов опубликовал 41 книгу: однотомные и многотомные романы, четыре сборника рассказов и два тома воспоминаний. Среди его произведений можно назвать романы «От Двуглавого Орла к красному знамени», «Понять – простить», «Largo», «Ненависть»... Большинство из красновских книг имели успех не только в русской беженской среде, но и у европейских читателей.

Здесь нелишне привести оценку творчества Краснова, данную уже упомянутым Куприным: «У П.Н. Краснова есть о чем сказать. Видел и испытал он за эти времена так много страшного и величественного, уродливого и прекрасного, что хватило бы на десяток средних, заурядных жизней. И надо признать, судя по первому тому, что все, близко знакомое автору, лично им наблюденное и пережитое, он умеет передавать ярко и выпукло, с настоящим мастерством, с особенно широким подъемом в массовых сценах, с благородным пафосом. Это все плюсы; о них под конец, для заглавки. Начнем с минусов произведения.

Местами оно написано, как выражался Чехов, “по старинке”, в формах и тонах, давно забытых нынешней русской литературой, которая, порой в ущерб вескости глубины и содержательности рассказа, дошла, с легкой руки того же Чехова, до замечательной кропотливой выразительности в технике.

П.Н. Краснов говорит много прямой и жесткой правды, за что, надо сказать, его роман уже успел вызвать неодобрение в некоторых сферах. Нельзя обличать даже и задним числом неприглядные язвы»³.

³ Куприн А. О романе П.Н. Краснова «От Двуглавого Орла к красному знамени» / «Общее дело» (Париж), № 2979, мая 1921.

...Приход к власти в Германии правительства Гитлера, 30 января 1933 года, был воспринят Красновым, впрочем, как и многими право-ориентированными русскими эмигрантами, с энтузиазмом. Значительная часть российских изгнанников была дезориентирована и обманута антибольшевистской риторикой гитлеровцев, многие вступили на путь активного сотрудничества с пропагандистскими и разведывательными органами Рейха⁴. По мнению историка С. Дробязко, «союз с Гитлером воспринимался многими из казачьих вождей не как выбор наименьшего зла, а как возвращение к традиционным приоритетам российской политики, имея в виду эпоху “Священного Союза”»⁵. Такой подход отчасти разделял и Краснов.

В 1947 году он признавался, что «Эмигрантские круги за границей, в том числе и лично я, встретили нападение гитлеровской Германии на Советский Союз довольно восторженно. Тогда господствовало среди нас мнение: хоть с чертом, но против большевиков...»⁶.

В сентябре 1943 года Краснов был назначен начальником Главного управления казачьих войск Имперского министерства по делам оккупированных восточных территорий. Словом и делом он принимал непосредственное участие в войне Германии против Советского Союза, в формировании казачьих частей, участвовал в создании «Казачьего стана».

В одном из своих воззваний генерал писал: «...Услышал Господь молитвы наши!.. Пришло, чего ждали казаки! Пришло удостоверение Германской власти признания казачьих заслуг перед миром; обещание защиты и покровительства Вождя Германского народа Адольфа Гитлера!.. Война с коммунизмом не кончена. Нужно уничтожить коммунизм везде, где он может помешать нам получить то, что дается теперь...»⁷.

В мае 1945 года Краснов сдался в плен англичанам, и в австрийском городе Лиенце 28 мая 1945 года вместе с 2,4 тысячи казачьих офицеров был передан советской военной администрации. Дальше была Москва, Бутырская тюрьма и уже упомянутый судебный процесс 1947 года...

Итак, к моменту создания романа «Ложь» Краснов уже давно являлся убежденным сторонником уничтожения советской власти с помощью внешних сил, под которыми он подразумевал, в первую очередь, гитлеровский Рейх. Поскольку фабула романа тесно связана с современной Краснову повседневностью эмигрантской жизни, мысли и чаяния самого автора неизбежно нашли отражение и в сюжете его произведения. В этом смысле, можно констатировать, что военной коллаборации Краснова в данном случае предшествовала «литературная коллаборация», ведь на страницах романа густо присутствуют образы, как будто скалькированные с клише геббельсовской пропаганды...

Роман «Ложь» композиционно состоит из четырех частей. В центре повествования – судьба белого генерала Акантова и его дочери, Лизы. Каждому из этих двух главных героев предстоит пройти собственный скорбный путь, в одном случае закончившейся советским судом, приговором и казнью, в другом – обретением веры, любви и Отечества.

Правда, это Отечество «загадочным образом» оказывается неразрывно связано с нацистским Рейхом. Так, Лиза почему-то постоянно «путает» Германию и будущую Россию, а то и вовсе подменяет одно – другим: «Права была Лиза в своем жестоком приговоре: России не было. Не было у Лизы Отечества. Но когда бесшумно проносился мимо пароход “Бремен”, и

⁴ Во многих случаях, эта изначальная готовность к сотрудничеству очень скоро сменялась глубоким разочарованием. Более того, в августе 1942 г. руководство вермахта прямо запретило участие эмигрантов в формированиях из местного населения на Восточном фронте. К концу лета большинство русских эмигрантов были отозваны с оккупированных территорий СССР. См., например: Жуков Д., Ковтун И. РННА. Враг в советской форме. М., 2012. С. 25.

⁵ См.: Русские без Отечества. Очерки антибольшевистской эмиграции 20-х – 40-х годов. М., 2000. С. 214.

⁶ Цит. по: Самойлов Е. Указ. соч. С. 137.

⁷ Цит. по: Крикунов П. Казаки между Гитлером и Сталиным. М., 2005. С. 300 – 301.

увидала Лиза черную свастику на белом фоне на алом полотнище флага, – знак вечного движения, непрерывного прогресса, ощутила, как теплая волна залила ее сердце... Родина!».

Сюжет построен, в целом, линейно: так, события первой части происходят в Германии, где Лиза провела все свое детство и юность, второй – во Франции, в Париже, куда забирает Лизу ее отец, генерал Акантов, третья часть начинается с путешествия Лизы в Нью-Йорк, «на заработки»... В структуре присутствуют и многочисленные экспозиции, отсылающие нас, в первую очередь, к событиям Гражданской войны, в ходе которых Акантов знакомится с одним из наиболее отталкивающих персонажей романа – певицей Магдой Могилевской, прообразом которой была знаменитая Надежда Плевицкая.

Эти экспозиции, вкупе с часто меняющимся переносом места действия, несколько разгружают затянувшуюся завязку. Кроме того, именно в них Краснов обретает возможность продемонстрировать то, в чем он действительно чрезвычайно силен, как писатель: а именно сцены боев и военного быта. Иногда автор явно злоупотребляет такими катализаторами, как диалоги, – увы, часто вовсе неестественные.

Кульминация и развязка отнесены Красновым в заключительную, четвертую часть. Кульминационным моментом романа является решительный разрыв Акантова с масонской ложей, в которую он оказался втянут с помощью лжи и обмана. Соответственно, развязка разделена между двумя главными героями. В случае с Акантовым – это суд и казнь, в случае Лизы – осознание (наконец-то!), что ее Родина – это все же не гитлеровская Германия, а – пусть грядущая – Россия.

В романе присутствуют как бы две силы. К положительной автор относит всех честных и ищущих русских эмигрантов, не готовых смириться со своим положением (Лиза, Акантов, Верховцевы), а также... сочувствующих им нацистов. Отрицательный пласт, объединяемый в одно общее понятие «ложь», вырисован гораздо более подробно и тщательно. Здесь – и масоны, и евреи, и большевики со своей агентурой, и эмигранты, позабывшие о том, что они русские, купившись на материальные блага.

Краснов не жалеет красок, чтобы «заклеймить» эту «ложь», рядящуюся в разные маски: отрицательные персонажи предстают то под личиной либералов, то прикрываются показной «русскостью», чтобы вызвать у дезориентированных изгнанников ностальгические чувства и заманить их в ловушку, то одевают на себя таинственные франкмасонские знаки:

«Круглое, полное, сальное лицо Лапина скривилось в презрительной усмешке...»;

«Пижурин и на человека не походил. Какое-то человекообразное чудовище из Уэльсовского романа. Человек будущего, сорокового века, мозгляк, с огромным черепом, искривленный подагрой и ревматизмом, потерявший зрение, силу ног и рук, полупаралитик, сохранивший во всей остроте большой циничный ум и все влечения тела...»;

«Это Магдалина Могилевская, а не Дуся Королева... Это та “красная матушка”, предательница и убийца... Как она, однако, стара... Акантов видел дряблые щека, у шеи под челюстью были заметны следы швов после операции омолаживания... Она вся ложь...».

Испытывая ненависть и презрение ко всему советскому (в оригинальном наборе романа словосочетания «красная армия», «союз советских социалистических республик» и т.д. пишутся исключительно со строчных букв; в то же время слово «русский» – всегда, даже в таких сочетаниях, как «русская водка», «русский каба́к», – только с прописных), автор не устает выказывать восхищение национал-социалистами, даже и в тех случаях, когда они предстают во всей своей расистской прямолинейности.

Вот, что говорит, к примеру, одному из героев Курт Бургермейстер, первый возлюбленный Лизы: «Ты понимаешь, Игорь, что нужна жертва, и я готов на жертву. Я проверил себя: я люблю Лизхен, но я не могу на ней жениться, и я, вероятно, вообще никогда не женюсь. И, если я женюсь, то на немке. Этого требует чистота расы. Я больше всего, и только, люблю Германию и партию. И я должен для них пожертвовать своим личным чувством». Игорь, а вместе

с ним, надо думать и автор, делает из сказанного следующий вывод: «Так, вот... мы считали Курта “шляпой”, а он оказался сильнее нас всех...».

Оторопь вызывает и такая «презентация» одного из берлинских знакомых Лизы: «Ральф Сенендорф, милая Лиза, специалист по ядовитым газам. Он хочет изобрести такой газ, чтобы он действовал по всему земному шару, но только на неарийцев, – пустить такой газ, и в одно мгновение все жида подохнут».

Разумеется, сегодня все это может просто шокировать читателя.

При всем сказанном, что-то не позволяет нам механически обозначить роман просто как заурядную поделку, изготовленную в угоду «имперскому министерству правды». Ведь помимо распространенных и поныне примитивно-расистских представлений, антисемитских предрассудков и штампов, здесь есть и безусловные литературные достоинства, и небезынтересный сюжет, и переплетение реальных и вымышленных событий, и чрезвычайно любопытные описания – включая бытовые – давным-давно исчезнувшего довоенного мира. Кроме того, роман можно назвать важным историческим источником, ведь Краснов подробно излагает здесь мотивацию тех эмигрантов, которые чуть позднее – с началом войны Германии против СССР – надели немецкие мундиры...

Предлагаемый читателю текст подготовлен и сверен нами по парижскому изданию 1939 года. В корпус романа не вносилось никаких изменений, кроме того, что написание некоторых слов, словосочетаний и аббревиатур было приведено в соответствие с правилами орфографии современного Русского языка, в некоторых случаях исправлялись также пунктуационные неточности. Авторские подстрочные примечания оставлены без исправлений, перевод английских, французских и немецких слов и выражений – также авторский. Наши примечания снабжены соответствующей пометкой.

Дмитрий Жуков

Часть первая

I

Реке подобна человеческая жизнь. В лесной глуши... на высокой горе, в серебряном блистании вечных ледников... в степной глубокой балке, у крутого пристена, под нависшим камнем... из зеленой тины болот – рождается тонкая струйка текучей воды и идет, бежит, журча и булькая, напевая радостную песню жизни по Божьему миру.

Еле приметным ручейком – перешагнуть можно – катится она по камушкам, как нянину сказку, слушает говор природы, радуется путника манящей свежестью хрустальной воды... Так в грезах и сказках, в тихих колыбельных песнях, в маминой ласке, в несказанно прекрасном познании окружающего, проходит ясное, светлое, чистое детство...

Иногда – так и замрет ручьем, не вылившимся в реку, уйдет под землю, скроется в болоте, убежит к близкому морю... Умрет человек ребенком, ничего не свершив.

Иной раз добежит до края плоскогорья, бурно сорвется вниз водопадом, шумными каскадами пронесется по крутому каменистому скату: тяжелая юность, обуреваемая страстями, пройдет – и вот уже вышла река на равнину, ширится притоками, как человек знаниями и опытом жизни, течет умиротворенная, несет на груди своей пароходы и баржи, шумит мельницами, трудится, работает, плодотворит и, спокойная и плавная, величаво вливается в море...

Смерть... Кончена река – начинается беспредельность морская... Новая жизнь... Вечная жизнь океана...

Разные реки – различны и жизни людские. Все идут к одному концу – к вечности... К вечно волнуемому и вечно волнующему человека морю.

Детство Лизы Акантовой было короткое. Недолго тихо шло оно под колыбельную песню и ласки матери, недолго Лиза покоилась в холле, – как ручей в лесной глуши, – дальше помчалась по камням, разбиваясь в перистые брызги, покрываясь белой пеной, крутясь и волнуясь. Тяжел и обрывист был скат жизни. Захватил юность, ненадолго успокоился ровным потоком годов ученья и снова оборвался бешеным водопадом.

У Лизы Акантовой счастливого детства не было. Те первые годы жизни, которые обычно вспоминаются, как смутный, но радостный сон, кажутся милой сказкой, овеванной материнской любовью, уютом родительского дома, колыбельною песнью матери, ласкою и заботою семьи, – Лиза вспоминала, как страшный, полный кошмаров, непробудный сон.

Она родилась незадолго до Великой войны, и первые, полусознательные впечатления: тревога матери, ожидание писем, слезы и тоскливое одиночество в покинутой отцом семье. Когда вспоминала Лиза мать, ей всегда представлялось прекрасное лицо, орошенное слезами, смутное, неясное, неопределенное и неутешно печальное.

Годы, когда складываются в человеке первые представления о мире и о людях, когда подыскиваются слова и определения всему увиденному и подмеченному, и когда начинает, еще робко, но уже достаточно четко, работать память, – были годами смуты и постоянного бегства с места на место. Годы ожидания чего-то невероятно ужасного... Придут... ограбят... уведут... разлучат... убьют. Ни мягкой, уютной кровати: где-нибудь в кресле, на диване, в ногах у матери, в вагоне, на пледе, на пароходе, в душном трюме переполненном несчастными, насмерть напуганными людьми. Ни игрушек, ни игр. Всегда со старшими, всегда с несчастными, затравленными людьми.

Отца Лиза не знала. Она увидела его первый раз, когда где-то в чужом краю, у чужих людей, умирала ее мать. Человек в русых усах, среднего роста, стройный, очень худощавый,

в военной форме, стоял на кладбище над свежей могилой и плакал. А потом Лизу взяла приехавшая нарочно за нею из Германии сестра ее матери, тетя Маша, и увезла Лизу в Берлин.

Этим и закончилась первая пора детства Лизы – кошмарный сон.

Тетя Маша вышла замуж до войны за богатого немецкого фабриканта Норинга. Война его обогатила, революция разорила, инфляция пощипала, но Норинг оправился, и, после тревог и скитаний, Лиза попала в благоустроенную, богатую квартиру в старом доме центра Берлина.

Там и началось настоящее детство, – не какой-то сумбурный, кромешный, страшный сон. Берлин стал ее Родиной. Лиза вырастала в городе, среди городского шума и уличной толпы.

Норинг, когда в Германию хлынул поток русских, безденежных и безработных, и когда сердце его жены разрывалось от жалости, и в нем крепло желание помогать им, призвал жену к себе и тоном, не допускавшим возражения, сказал: «Подальше от русских!»...

Лизу Отто Норинг принял охотно, сердечно и относился к ней, как к дочери. Но по натуре он был сухой, расчетливый человек. Лиза от него особой ласки не видала.

Тетя Маша, по просьбе отца Лизы, учила Лизу Русскому языку и Русской грамоте, занималась французским языком, которым владела в совершенстве, и наняла англичанку, чтобы Лиза умела говорить по-английски.

Отто Норинг это одобрил:

– Языки теперь все, – говорил он, посасывая сигару. – Языки, стенография и спорт.

В виду наказа – подальше от русских – Лиза была отдана в среднюю немецкую школу.

Стенографии она не изучила, но научилась хорошо рисовать, живо схватывая натуру, запоминая линии, и недурно пела немецкие песни. Спортом Лиза увлекалась. Дядя Отто сказал, что этого достаточно.

Так прошла вторая половина детства Лизы. Сытно и привольно, что дало Лизе возможность хорошо развиться и окрепнуть телом, с хорошей систематической подготовкой, чтобы развить ум, но, как всякая послевоенная школа – сделала ее бездушной. Лиза знала, что она православная – «russisch-orthodox», носила на теле золотой, с овальными, как бы листочками, сторонами, с лучами по краям, – православный крестик, но Закона Божьего, катехизиса не изучала, в церковь не ходила. Как-то за мирскими заботами и волнениями Мария Петровна об этом не подумала.

В школьных играх в зале, а в хорошую погоду на гимназическом дворе, проходило детство Лизы.

Были увлечения учителями, веселые прогулки строем, с песнями и гитарой, мальчики впереди, девочки сзади. Прошла эта пора без особенных радостей, но и без больших огорчений, наступила юность.

С детства у Лизы была обязанность каждый месяц писать отцу. Нелегко давались эти письма Лизе.

Трудно писать отцу, которого не знаешь. Лиза описывала свой класс, писала про учителей, писала, что ей хорошо живется у тети Маши. Письма шли на просмотр тете. Та тщательно проверяла, все ли «ф» были на месте. Тетка гордилась грамотностью племянницы. Такие же, и тоже бесцветные письма приходили и от отца из Парижа. Посылал Лизин отец и деньги – маленькие деньги – на баловство, на конфеты, на ленточки, на те маленькие безделушки, которые любят девочки.

По окончании гимназии, Лиза поступила в высшую школу. Училась она отлично. Ей было поручено вести семинары с юношами, ее товарищами по курсу. Она блестяще кончала школу. В эту пору первый раз открылось ее сердце.

Лиза защитила диссертацию на звание доктора философии, и с этим званием, покончив с юностью, взрослой, 22-летней девушкой, вступила в жизнь.

Тут открылось то ужасное, о чем Лиза не подозревала, и о чем не подумали ни ее отец, ни тетя Маша.

Отец в письмах этого требовал, а тетя Маша своим русским нутром этому сочувствовала, – Лиза, как была, так и должна была остаться, русской. Лиза жила по Нансеновскому паспорту. В средней и высшей школе Лиза так сливалась со своими товарищами и товарками, что забывала, что она не немка.

Но окончилась школа, – нужно было начинать жить, а жить – это значило работать. Доктор философии должен был начать применять свои знания.

Тысячи препятствий встали перед Лизой. К ним прибавилось и еще одно обстоятельство, очень смутившее тетю Машу. Кончились годы ученья, Лиза перестала ходить в школу, перестала сидеть часами, запершись в своей комнате, уставившись в книгу, перестала зубрить уроки, она стала свободной и стала проводить дни дома. Тетя Маша со страхом отметила, что дядя Отто что-то слишком засиживается за кружкой пива и сигарой после обеда, курит вместо одной две и три сигары, вступает в жаркие диспуты с Лизой, и что у дяди краснеет при этом лицо, и по-особому блестят глаза. Дядя Отто стал приглашать племянницу в театр и в кинематограф.

Тетя Маша заревновала. Лиза стала очень красива. Совсем такая, какую была ее мать в ее годы.

Высокая, стройная, в меру полная. Светлые, длинные волосы, заплетенные в две толстые косы, спускаются ниже талии, и, когда спорит о чем-нибудь Лиза с дядей, беспокойно ерзают по ее спине. Голубые глаза загораются синими, влекущими огнями...

Тетя Маша задумалась. Надо что-то делать с Лизой. По-настоящему, по-старинному – замуж пора... Но где женихи? У Лизы есть товарищи, – женихов не было. Лиза бесприданница. Это еще полбеда. Но Лиза – беженка... Русская, без Отечества... без защиты... С такою красотою – она легко может стать добычей любого проходимца, если ее оставить одну. Продолжать жить втроем?.. «Своя рубашка к телу ближе». Тете Маше не выдержать сравнения ее полнеющего, стареющего тела, ее потухших глаз, стриженных полуседых, сивых волос, с красотою распускающегося юного цветка Лизы.

Устроить на службу? Но куда? Брали только своих. Только своим была дорога. Лиза была чужая.

Немка по языку, немка по воспитанию, в душе и чувствах – немка, она была русской и – беженкой...

Наниматься в няни, бонны?.. Приказчицей в магазин?..

Тетя Маша написала обо всем откровенное письмо отцу Лизы, генералу Акантову в Париж.

Ответ получился скорый. Егор Иванович писал, что он сам об этом думал и этим озабочен.

Бисерным своим почерком – тетя Маша читала письмо через лупу – генерал писал:

«...Конечно, положение мое не очень-то завидное. Как пошел я шестнадцать лет тому назад простым рабочим, токарем по металлу, на завод, так и трублю все на том же месте все шестнадцать годов без перемены. Притом тут пошли нам притеснения. Курс тут налево, и нам, «белым» офицерам, нелегко. Однако, думаю – Лизу взять к себе. Уж очень мне одиноко с годами. Последнее время думы у меня разные, тяжелые думы. Не болезнь, а просто – старость. Никогда ничего не боялся, ни в какую мистику не верил, а вот, после похищения Кутепова⁸, чувствую и себя как бы непрочным. Вьются подле меня темные силы, ищут схватить и устранить. Всю жизнь жил по указу совести и по приказу начальства. Ныне стал правду искать.

⁸ Александр Павлович Кутепов (1882 – 1930), генерал от инфантерии, активный участник Белого движения, председатель Русского Обще-Воинского Союза (РОВС) в 1928 – 1930 гг. 26 января 1926 г. был похищен агентами советской разведки. Скончался от сердечного приступа на советском пароходе по пути из Марселя в Новороссийск. – *Примеч. ред.*

Никого эти искания до добра не доводили. Лиза скрасит дни моей жизни, да молодой ее разум, может быть, еще и старого поучит.

Что-нибудь тут ей устроить, думаю, можно будет. Конечно, – доктор философии – *pas grande chose*⁹, по нынешним временам; судомойка или кухарка, особенно кухарка, много лучше. Но, ты пишешь: Лиза знает языки; это уже нечто существенное. Вообще, – хлопочу о визах... Нанимаю квартиру, где нам было бы удобно и не стеснительно, и уповаю на счастье.

Подготовь Лизу; в первых числах сентября сам приеду за ней, чтобы лично поблагодарить тебя и Отто Карловича за все, за все, что вы для Лизы сделали. Я почитаю себя вечным Вашим должником...».

Лиза приняла известие о том, что она поедет к отцу в Париж, спокойно и холодно. Черный, густой намет ресниц поднялся на мгновение, открыв синее пламя глаз, но ресницы сейчас же и притушили это пламя.

– Что ж, – сказала Лиза, закуривая небрежным жестом длинную папиросу, – В Париж, так в Париж... Если ничего лучшего не представится до тех пор.

– На что ты рассчитываешь, Лиза?

Лиза по-мужски затянулась папиросой, выпустила дым в несколько приемов, проткнула его языком, и, любуясь на колеблющееся в воздухе голубоватое кольцо, сказала:

– На людскую честность... На благородство...

– Ах, оставь, Лиза, – сказала с досадой тетя Маша. – Все это тогда, когда есть Родина... Когда ты своя... Но ты беженка... Русская!.. Это ужасно!.. Возможно, что у отца тебе будет лучше. Там много русских. Ты войдешь в русское общество...

– В общество беженцев, – поднимая брови и тщательно притушивая папиросу в фарфоровой пепельнице, сказала Лиза. – А как же – подальше от русских?

Марья Петровна пожала плечами:

– Там это будет не нужно. Этого хотел дядя Отто.

– Допустим, не нужно. Ну, все равно: *entweder-oder*¹⁰. Другого выбора нет.

Лиза бросила папиросу и, быстро и твердо шагая, вышла из комнаты тети Маши.

⁹ е велика штука (фр.). – Здесь и далее, если это не оговорено дополнительно, примечания автора.

¹⁰ Или – или (нем.).

II

Парижский поезд приходил в Берлин в двенадцатом часу ночи. Как было условленно, – Акантов должен был выйти на станции «Зоологический сад», где Лиза его встретит.

Курт Бургермейстер, товарищ детства Лизы по школе; провожал Лизу. Они ехали на трамвае. На остановке у *Gedächtniß Kirche* они выходили. Курт прыгнул с площадки и протянул руку Лизе.

– *Danke*¹¹.

Громадное, темное здание церкви, с высокой остроконечной крышей, с башней колокольни, тяжелое и грузное, стояло посредине площади. Колокольня уходила в темное небо. Месяц блестящим диском висел сбоку, как нарисованный на декорации. Пестрые, яркие вывески кинематографов, кафе и ресторанов горели красными, зелеными, синими и белыми огнями.

Особенно бросились в глаза Лизе темно-лиловые, аметистовые огромные окна тяжелого здания напротив церкви. Вдоль карнизов и подоконников, по низким решеткам были цветы. Сквозь просветы улиц, за высокими арками надземных железнодорожных путей чувствовалась прохладная зелень больших, старых деревьев и просторы сада. По широким тротуарам, мимо пестрых огней, шла нарядная толпа. Только что кончились представления в двух громадных кинематографах, и публика расходилась по домам. Посередине улицы в два ряда стояли автомобили-такси с зелеными кузовами, с черным верхом, с пестрым ободком. Площадь была большая, улицы широкие, – а казалось тесно, скученно, уютно, как в комнате, – так громоздки, велики, аляповато нарядны были здания.

– Как сказка, – сказала Лиза, восторгом горящими глазами оглядывая толпу, площадь, огни вывесок и реклам. – Ты любишь, Курт, Берлин?

– Я в нем родился.

– Тебе не грустно, Курт, что я покидаю Берлин? Тебе без меня не будет скучно?

– Человек занятой не имеет времени скучать. Я выхожу на дорогу, где я могу приносить пользу Родине. Я в партии ответственный работник. Я просто не имею права скучать. И разве можно скучать в такой стране, как Германия?..

– Да... Это верно.

Молча, шагая в ногу, прошли к проходам на станцию. У тяжелой, тускло освещенной каменной стены, где были широкие лестницы наверх, Лиза остановилась. Непрерывный поток людей стремился на городскую дорогу.

– О, у нас еще есть время, – сказала Лиза. – Целых десять минут. Мимо, между высоких столбов, проносились автомобили, проходили желтые трамваи, громыхали тяжелые двухэтажные автобусы. Над головами часто с оглушительным грохотом мчались поезда железной дороги.

– Курт, ты не думаешь, что нужно, чтобы я представила тебя моему отцу?..

– Зачем? – раскуривая папиросу, сказал Курт, и протянул свой портсигар Лизе. – Ты не хочешь?..

– Нет. Моему отцу будет неприятно, если он увидит, что я курю... Но, Курт, ты не находишь, что так надо?..

– Не нахожу. Твой отец приезжает на три, четыре дня... Для чего это знакомство? Твой отец русский генерал, я – немец... Что общего между нами?

– Он мой отец...

Лиза с упреком посмотрела в светло-серые, ясные глаза Курта:

¹¹ Благодарю (нем.).

– Мне показалось... – начала она и оборвала. – Как хочешь? Если не находишь нужным?.. Не надо.

Зрачки ее глаз расширились, синева потемнела. Огни ли так отразились в глазах Лизы, или свои внутренние огни загорелись в них, – они блеснули мрачным блеском и сейчас же потухли, прикрытые густыми ресницами.

– Как хочешь, – повторила Лиза. – Мне, однако, пора. До свидания, Курт.

Она легко поднималась по крутым серым бетонным ступеням. На площадке остановилась. Курт еще был внизу. Лиза с любовью посмотрела на стройную фигуру высокого молодого человека.

Курт был без шляпы. Густые волосы были гладко причесаны. Просторный, легкий, дорогой пиджак красиво лежал на могучих плечах. Модные, широкие штаны со складкою для пыли внизу, светлые башмаки, – все было дорогое, добротное, новое, хорошо сшитое. На русые волосы от фонаря лег золотистый отблеск. Свежее, чистое лицо было поднято. Курт следил за Лизой.

Лиза остановилась, помахала рукою в кисти; Курт ответил тем же. Лиза вздохнула и бегом поднялась на следующий пролет лестницы. Две минуты оставалось до прихода поезда. Наверху, у турникета, Лиза оглянулась. Курта не было. Он ушел.

Со стесненным болью сердцем от отказа Курта подняться с нею и представиться ее отцу, с волнением от предстоящей встречи, Лиза вошла на перрон. Заграничный поезд, с грозным рокотом колес, подкатывал к станции...

III

В последнем письме отцу Лиза описала свой костюм и шляпу – соломенную с широкими полями, и нарисовала себя, чтобы отцу легче было узнать ее. Она еще обещала держать в руках русскую газету, но, заболтавшись с Куртом, забыла купить ее.

На перроне было мало народа и немного пассажиров вышло из поезда – главная остановка была на Фридрих-штрассе. Лиза сразу увидела вышедшего из вагона третьего класса стройного, хорошо выправленного человека, в черном легком пальто, в мягкой шляпе. Человек этот бодро зашагал по платформе. Она не столько узнала – узнать она не могла: она не помнила отца, – сколько догадалась, что этот человек и есть ее отец. Укрепило ее в догадке еще и то, что человек этот нес в руке довольно объемистый, плоский, видимо, почти пустой, «порт-плэд» из шотландской темно-зеленой, с черными клетками с желтыми полосками материи, стянутый старыми ремнями. Таких порт-плэдов никто за границей не имеет. Отца Лиза не помнила, а этот порт-плэд отлично запомнила. Как сон, ей припомнилось – отец и мать возились, напихивая вещи в этот порт-плэд, а она, совсем маленькая, кулачками упираясь в шероховатую поверхность его, пыталась им помогать. Отец тогда сказал матери:

– Ну, матушка, да сюда, при желании, можно слона уложить, только хвост и хобот торчать будут. Петербургский порт-плэд...

В ту пору, Лиза еще не видала слонов, и именно потому ей так и запомнился порт-плэд, что в него можно слона уложить. Быстрыми шагами, она подошла к отцу:

– Папа!..

– Лиза!.. Узнал... Ну, конечно, узнал... совсем ты, как мать-покойница... Выше ростом. И еще красивее... Ну, моложе, конечно... Такою я мать твою не знал...

Они поцеловались. Лиза коснулась губами шершавой щеки отца, положила ему руки на плечи:

– Давай порт-плэд... Багаж есть?..

– Какой там багаж – все тут.

– Дай, папа, я понесу.

– Ну, что ты. Зачем? Я сам...

Лиза вырвала порт-плэд и внимательно посмотрела на отца.

Седые усы были коротко подстрижены, лицо темноватое, но не от здорового загара... Много мелких морщин на нем, но серые, ясные глаза еще совсем молодые. Походка ровная, смелая и твердая. Левою рукою Лиза взяла за руку отца, и ощутила грубую кожу и будто... мозоли. Не генеральская была рука, а рука рабочего. Высокие ботинки на завязках были старые, растоптанные, медные крючки блестели из-под края штанов. Все было чистое, но бедное, даже и не второго, а третьего сорта.

– Куда же мы?

– Я сняла для тебя комнату в пансионе. Тебе так спокойнее будет. Сейчас туда и поедем.

Лиза подошла к такси и сказала адрес.

– Может, дорого, на такси-то? – смущенно сказал отец. – Если не очень далеко, и пешком бы можно... Или на метро?

– Пустяки, папа. Ты посылал мне деньги... Куда мне было их тратить... Тут, в Берлине, ты мой гость.

Пестрые огни блистали по стенам домов, обрамляли окна и порталы дверей. В их свете несказанно красивы были цветы на подоконниках. Особенно красивыми показались лиловые окна, с зелеными полосками светящихся трубок. Лиза с восторгом оглядывала площадь:

– Не правда ли, папа, как сказка, мой Берлин?.. И как тут уютно!..

За площадью пошли тихие, темноватые улицы. Реже стали светящиеся вывески реклам. Стало безлюдно.

На большой площади, где было тихо, где был сквер, и дома были озарены призрачным светом луны, а сама луна висла в небе, как китайский фонарь, каретка остановилась. Лиза ключом открыла наружную дверь, нажала кнопку света, и они стали подниматься на третий этаж. Лиза провела отца в его комнату:

– Вот, папа... Спи спокойно... Устал, бедненький, с дороги. Утром тебе дадут чай или кофе, что хочешь, а завтракать и обедать ты будешь у тети Маши. Отдыхай хорошенько. Завтра в одиннадцать я приду за тобой...

Комната была большая и глубокая. Чем-то напомнила она Акантову Петербургские меблированные комнаты. В незанавешенное окно видна была площадь. Месяц в серебристой дымке на темном небе, большие дома, зелень кустов под окном.

Акантов спустил штору и стал раздеваться.

«Славная выросла у меня дочка», – думал он, – «и, кажется, добрая девушка»...

IV

Тетя Маша встретила Акантова с расprostертыми объятиями:

– Ну, покажись... Как тебя обработала жизнь... Господи, шестнадцать лет не видались... Да и тогда... Разве это свидание было?.. И горя-то, горя сколько!.. Я, Лиза, твоего отца помню еще статным таким молодчиком... Золотые погоны, фуражка с малиновым кантом. Стрелок... Кем ты был тогда, когда бывал у нас в доме?.. Капитан?.. Твой папа, Лиза, знал меня еще маленькой девочкой. Пойди, Лиза, достань твои альбомы...

Марья Петровна и Акантов остались вдвоем. Большие комнаты с тяжелой роскошью немецкого убранства смущали Акантова. Отвык он от простора, от мягкой мебели, от ковров, от шелковой обивки, от картин в широких лепных золотых рамах, и хороших мастеров картин, от бронзы и фарфора.

– Ну, что же?.. Сядем... Как нашел ты Лизу?..

– Что могу я сказать?.. В ножки тебе должен поклониться. Красавица дочь.

– Это уже не от нас. Такая уродилась... Сестра моя была много красивее меня. Ну, сделали, Егор Иванович, все, что могли, чтобы сохранить ее русской. Как видишь – говорит без акцента... Пишет грамотно. Но, каюсь, – это и все.

– Что она?.. Бывает она в церкви?.. Как ее душа?.. Внутреннее ее?..

– Чужая душа – потемки, Егор Иванович. Как заглянешь в чужую душу? Да еще в душу девушки? А Лиза, при том же, скрытная... Ну, да это так и понятно. Она гордая и очень самолюбивая девушка. Ей было трудно. Особенно сначала, до прихода к власти Хитлера... Очень трудно. Школа немецкая. Мальчики и девочки учатся вместе. Люди со всячинкой. Ударов, укулов по самолюбию сколько угодно. Русскую историю преподавали так, что лучше вовсе не преподавали бы. Понятие о России она имеет смутное и неважное. Она мне как-то девочкой еще сказала: «Я, тетя, стараюсь любить Россию, а как ее любить, когда я ее не знаю?»...

– Это – драма...

– Да, Егор Иванович, страшная драма. Лиза образованная, даже, может быть, слишком образованная, она – доктор философии, но спроси ее, что такое наша Волга, – знает только, что река. А, ведь, мы-то... Помнишь?.. Волга!.. Да, для нас – она живая!.. С душой!..

– Верует ли Лиза в Бога?..

– Думаю, что она знает Бога... Но церкви она не знает. Сознаю, это большая моя вина. Но прошу и простить меня. Я мужняя жена. Я должна жить, как мне укажет муж. Отто Карлович отличный человек, но он человек новый. Он химик и купец. Видишь – икон у нас нет... При нем мы никогда не говорим по-русски... Если бы не Лиза и мой долг перед нею, я и сама, вероятно, забыла бы Русский язык.

– Да, – вздыхая, сказал Акантов. – Больной это вопрос. Религия... Церковь... Грешен и я. Блуждаю и заблуждаюсь. Последнее время, когда я стал задумываться о смерти, – стал сам отыскивать истину... Да, понимаю, трудно... В нашем беженском положении трудно. Я беру на себя большую ответственность, что увожу от тебя Лизу... Что я ей дам?.. К какому делу приставлю?..

– Ничего не поделаешь, Егор Иванович... Выросла Лиза. Ей двадцать два... Замуж пора. Тут женихов нет. То есть, кое-кто и есть, да Лизе не нравится.

– Может быть, Лиза кого-нибудь уже полюбила?

– Повторяю, Егор Иванович, Лиза очень скрытная... Если кого полюбила, – разве скажет? Притом теперешнее воспитание, понятия, мораль. Девушка свободна. Разве знаю, что она делает? Молодежь целыми неделями странствует по Германии. Девушки и молодые люди вместе. Раньше этого так не было. И разве могу я помешать этому, когда это в обычае страны?.. Подруги, друзья, в общем – товарищи. Полуголые, а юноши, можно сказать, и совсем голые,

вместе купаются и лежат, загорая, на пляжах... Я ничего не понимаю. Хорошо – товарищи... А если колыхнется – любовь?..

– Да-а...

– Притом, Лиза – беженка. Товар второго сорта. Сирота. А тут русская экзотика. Где видит, где встречает иностранец, который тут, у себя, дома, русских девушек?.. Служанки в ресторане, артистки балетной труппы, хорошо, если с талантом, а если только со смазливой мордочкой?.. Манекенщицы, продавщицы, – все это, сам понимаешь, не невесты, не жены, а так... Легкая добыча... Хорошо, попадет на честного, сердечного, верующего человека, с моралью... А если?..

– Да... Разные люди бывают... Ты позволишь мне закурить?..

– Пожалуйста.

Марья Петровна пододвинула Акантову пепельницу, портсигар, закурила сама и подала спичку Акантову:

– Привыкла я тут курить. Каждому свое счастье. Ну а чаще-то и иначе бывает. Не каждому так повезет как Гале-японке.

– Что это за Галя-японка?..

– Была тут милая русская девушка, маленькая такая, удивительно грациозная, с немного косыми, узкими, словно монгольскими, черными глазами. Очень хорошенькая и добрая. Ее тут и прозвали – «Галя-японка». А тут, подле Потсдамского вокзала, есть ресторан, – *Haus-Vaterland*¹² прозывается. Там каждый, может найти свое Отечество... Есть баварская, французская, английская кухня, есть турецкая; был там и японский ресторанчик, где подавали японки. И, вот, ушла оттуда служанка-японка. Хозяин поместил объявление, что ищет в ресторан японку-служанку. Галя и явилась. Чистосердечно – очень была она милый и хороший человек – объявляет хозяину: «Конечно, я не японка, я русская, но, как видите, могу сойти за японку». Она даже для такого случая и слова какие-то японские выучила. Хозяину понравилась ее честная откровенность, и он взял ее в ресторан. Надела Галя кимоно, повязалась широким поясом «оби», сделала прическу с гребнем, постукивает деревянными башмачками, приседает, улыбается, – ну, совсем и правда – японка! Посещавшие ресторан японцы ее всерьез за японку принимали... И повадился туда ходить один швед. Ясно: для Гали-японки ходит. Влюбился в нее. Догадался, что она не японка, объяснился в чистую, и увез Галю-японку в Швецию и там женился на ней. Богатый, говорят, человек. Не всякой такое счастье...

– Ну, какое же это счастье?.. На чужой земле?..

– Да если своей-то нет... Вышла же я за Отто... Не жалуюсь. Счастливо живем...

– Да, конечно... Но времена-то были другие. Ты была дочерью богатого мехопромышленника. А Лиза?.. По паспорту – дочь генерала, на деле – дочь рабочего с французского завода... Пролетария...

– В том-то и дело. Во Франции, у тебя, попадет Лиза в русское, свое общество, может быть, и найдет счастье.

– Я так и думал, когда решился на такой шаг. Да и мне будет радость, скрасит она мои последние, может быть, дни...

¹² Дом-Отечество (нем.).

V

Лиза принесла альбомы. В них были наброски карандашом, иногда пером, кое-где тронутые акварелью. Барышни в вечерних костюмах, девочки в платьях учениц, с короткими светлыми косичками, с голыми ножками, с книжками в руках, девушки в коротких юбках, с цветами в волосах, с гитарой в руке, юноши и мальчики в легких трусиках и башмаках, голые руки и ноги, обнаженная до живота грудь. Сцены на лодке, на пляже, игра в футбол, – все верно схвачено, верно нарисовано, полно жизни и движения.

– Ты это срисовывала с чего-нибудь?

– Нет... С натуры...

На листе плотной бумаги – голый юноша-атлет. Высоко поднята гордая голова, хорошо посажена на крепкую шею, тело загорело молодым загаром, руки мускулисты, стройные ноги, и только на бедрах очень короткие трусики. Юноша стоит на песке, опершись на весло...

– Это кто же?..

– Так... Товарищ один. Вместе учились...

Лиза пунцово, до слез, покраснела. Бурым стало лицо ее отца. Он затаился папиросой, выпустил дым, закутался им, чтобы скрыть смущение, закрыл альбом и передал его Лизе:

– Да-а... У тебя, однако, немалый талант, Лиза. Тебе, может быть, этим и заниматься бы надо, а не философией... Почему ты, собственно, избрала этот предмет?

– Так... У нас был один профессор... Он умер теперь... Очень умный человек. Замечательный ученый... Ну, вот...

К счастью для Лизы, в это время пришел дядя Отто. Надо было идти завтракать. Дядя Отто всегда куда-то торопился. Дядя Отто ни слова не говорил по-русски, знание же у отца Лизы по немецкому языку было такое, как знание русского у дяди Отто... Говорить по-русски при Отто Карловиче стеснялись. Разговор шел урывками, через переводчика. Дядя Отто постоянно называл Акантова: «general», или «exellenz», и при этом все поглядывал на его огрубевшие, с несмываемую машинною грязью, руки, и это еще более вносило холод в разговор и стесняло всех.

За завтраком установили программу, как занимать приезжего гостя.

– Днем поезжайте с Лизой посмотреть наш Зоологический сад и Аквариум. Такого Аквариума нигде в мире нет, а на вечер я достал для вас и для Лизы билеты на концерт хора Донских казаков Жарова. Вы слышали их когда-нибудь, exellenz?..

Акантов очень много слышал про хор Жарова, но за 16 лет эмиграции ему не пришлось быть на концерте хора.

– *Ja, natürlich*¹³... – промычал дядя Отто, и опять, как показалось Лизе, оскорбительно, посмотрел на поношенный пиджак Акантова и медные застёжки башмаков. Лиза вступила в разговор:

– Папе некогда было ездить на концерты. Хор Жарова так редко пел в Париже, и потом, папа все свои деньги посылал мне, или отдавал своим бедным товарищам, – быстро, на безупречном немецком языке, говорила Лиза.

– У моего *beau-frère*'а, – сказала Марья Петровна, – лучшая репутация в эмиграции. Когда у кого-нибудь случается в русской офицерской среде недоразумение, всегда говорят: «Обратимся к генералу Акантову, он нас рассудит»... Потому его так и ненавидят большевики.

– Генералу не следует жить во Франции, где большевики так бесцеремонно хозяйничают, и где они господа положения, – закуривая сигару, сказал дядя Отто.

¹³ Да, конечно (нем.).

Он ничего не имел против этого скромного, полного достоинства, генерала. Он его жалел, и не понимал, как это можно так долго терпеть большевиков и не восстать против них, и потому в его жалости сквозило презрение.

Акантов ни слова не понимал из быстрого обмена фразами Лизы и Марьи Петровны, но чувствовал, что говорили про него, и это его смущало. Чувствовал он и легкое пренебрежение к себе Отто. Он спросил:

– В чем дело, Марья Петровна?..

– А!.. – с досадою сказала Марья Петровна. – Они никогда нас не поймут, и не познают до дна нашего горя.

– Как? Даже и тут, где, кажется, немало хлебнули из той же чаши...

– Ну... Можно ли сравнивать то, что было здесь, и что было у нас... Они не могут понять, почему мы не восстанем и не сбросим большевиков... Почему у нас нет такого человека, как их Адольф Хитлер... Они не понимают, что Адольф Хитлер им послан Богом, и что десять лет тюрьмы и лишений он готовил свое движение... В эмиграции это невозможно, а в самой России, там не тюрьма, а расстрел... Но Отто тебя любит...

Дядя Отто сидел молча, курил сигару и прихлебывал из маленькой чашки черный кофе.

Высокая, стройная, нарядно одетая горничная служила за столом. От давно невиданного, давно не испытанного комфорта, от кофе, от коньяка, у Акантова кружилась голова. Совсем в другой мир он попал, мир сытый, довольный, победно шествующий и торжествующий победу...

В этом мире жила и воспитывалась Лиза. Акантову стало страшно, на что он повезет из этого мира свою дочь?..

VI

Донской казачий хор Жарова¹⁴ был известен всему миру, но особенно он был любим и ценим в Германии. Необычайная гармония пения, с одной стороны, с другой – лихость, бодрость и мужественность русской, солдатской и казачьей песни, чувствительность русского романса, нашли отклик в немецкой душе и удовлетворили ее вполне. Мужественная была песня и нравилась мужественному народу, смело выступившему в борьбу за право жить. Концерты Жаровского хора равно расценивались в Берлинской публике, как большое музыкальное явление, и как явление общественное. Ученые, профессора музыки и пения, маститые меломаны, ученики и ученицы музыкальных школ и консерваторий, и просто молодежь, любящая Родину, славу, честь, бодрость и победу, восторженно приветствовали казачий хор и искренно любили его.

Все в нем нравилось: скромная военная форма, лихая, уже и точно не солдатская, а особенная, «казачья», выправка, чистота почти военного построения, и маленький их «диригент» с горделиво поднятой головой, с быстрыми, нервными движениями, умением довести дисциплину хора до чуда.

Когда Акантов с Лизой поднялись из «Унтергрунда» – подземной дороги – на Потсдамер-плац, народ густою толпою шел по площади.

– Постой, – сказал Акантов, – что-то я задыхаться стал. Или это лестница крутая? Раньше за мною этого, как будто, и не замечалось.

Городские огни блистали кругом. Дугами, столбами, нитями до самого верха домов переливались рекламы, образовывая буквы... «*Haus-Vaterland*», – «это где была Галя-японка», – подумал Акантов. «*Kempinsky*». Рестораны, варьете, кинематографы звали к себе, манили рекламами, вывесками, витринами с фотографиями. Все не мог привыкнуть Акантов к большому городу.

Шестнадцать лет прожил в еще более шумном городе, а словно и не видал его. Теперь громады домов давили его. Толпа волновала, блеск огней, вывесок внизу, наверху, точно висящих высоко в небе, ослепляли. Иначе все это было в его время в России. Город в жизни Акантова не играл никакой роли и не занимал места в его душе.

Акантов взглянул на небо. Оно показалось ему клочками между крыш. Одна половина его клубилась густыми, черными, грозowymi тучами. Еще далекий, почти и не слышный за грохотом города, гром там поваркивал недовольно. Другая половина была бледно-синяя, выцветшая, с розоватым отливом. Сентябрьский день догорал там.

На узкой Котенер-штрассе казалось темно. Редкие горели вдали вывески. «*Telschow*»... «*Bader*»... У темного перекрестка толпа сгустилась, и, как вода в воронку, вливалась в широкие ворота огромного дома. Стрелка часов, висевших над воротами, показывала восемь.

В Берлинской филармонии, где был концерт Жарова, было много разных зал. В одних давались концерты, в других танцевали. В широком, смутно освещенном, дворе-проходе толпился народ.

Женщины в бальных платьях, с обнаженными спинами, с юбками, узкими в коленях и с широкими кейфами из легкой материи у носков, с завитыми блестящими волосами, оправляли прическу около больших зеркал. Мужчины во фраках и смокингах их сопровождали.

– Ты любишь танцы, Лиза?

– Да!.. Очень!..

¹⁴ Хор донских казаков Жарова – один из самых известных русских хоров в мире. Почти 60 лет коллективом руководил его основатель, Сергей Жаров (1896 – 1985). Хор был основан в 1921 г. в лагере для беженцев в Чиллингере возле Константинополя. Впоследствии хор переехал на остров Лемнос, затем в болгарский город Бургас, а потом – в Софию. До 1930 г. хор гастролировал по Европе, после чего казаки перебрались в США. – *Примеч. ред.*

Подхваченные людскою рекою, Акантов и Лиза подавались по широкому проходу, где с одной стороны были вешалки для платья, к высоким дверям, занавешенным тяжелым малиновым бархатом.

Акантов давно не был в театре, в большом зале, в нарядной толпе. Он и до войны редко когда бывал в театрах, а с войной про них и совсем позабыл.

Величина залы Филармонии его поразила. Много тут было золота, блеска, аляповатой роскоши. Множество народа, молодых людей, барышень в вечерних туалетах, в дорогих мехах и в простеньких шелковых блузках. У одних были завитые локоны на темени, точно неуклюжие рога, у других длинные косы, красиво уложенные на затылке, у третьих коротко, по-мальчишески, пострижены были волосы, одни были покрашены, другие не покрашены, одни толстые, другие тонкие, грациозные, красивые и некрасивые, – русские и немки, – у всех одинаково блестя глаза, восторг ожидания большого художественного наслаждения был на улыбающихся лицах.

На эстраде, тесно, в несколько ярусов стояли стулья. Там сидела молодежь. За нею на стене были малиновые панно в затейливых филигранных золотых завитках и орнаментах. Две статуи муз, с лютней и цитрой, желтоватого алебаstra были по сторонам панно.

Кресла, два яруса лож, галереи – все было полно. Огромный зал был битком набит.

Акантов сел на свое место. Он думал, как одичал он за это время фабричной жизни. Ему жутко было в нарядной толпе.

Лиза в полголоса переводила отцу программу. Сзади говорили по-русски.

– Смотрите... Сам Владыка пожаловал.

Осанистый старик, с простым русским лицом, в седой бороде, с длинными волосами, в черном монашеском клобуке, проходил перед эстрадой к первому ряду. Два человека в смокингах подошли к нему под благословение и поцеловали руку. Лиза бормотала рядом:

– Литургия верующих, Гречанинова... Хвалите Имя Господне, Тшеснокова.

Акантову было досадно, что Лиза перевирает слова, не справляется с русскими именами.

Вдруг гром аплодисментов бурей налетел на зал. Начался наверху и загремел в низах.

Из правой кулисы, бодрым военным шагом, входил на эстраду высокий, выправленный человек с длинной русой бородой, со строгими, умными глазами... За ним, в ногу, в строгом порядке, шли хористы хора Жарова.

Акантов смотрел на них, не отрывая глаз, не слушая больше Лизу. Видение ушедшего мира было перед ним. Черные русские рубашки были стянуты тонкими казачьими ремешками, широкие синие шаровары с алым лампасом, высокие сапоги, – все было очень просто и, вместе с тем, по-военному щеголевато. Один в затылок другому, стройной шеренгой входили они, останавливались, поворачивались по-уставному налево, на левом каблуке и на правом носке – «ать-два», приставляли ногу и становились в передней шеренге, заложив руки за спину, в задней – сложив руки на груди.

Но, понимал Акантов, сознавал, что не в этом было дело: не в высоких, прекрасно начищенных русских сапогах, не в шароварах, не в выправке, не в строевом чинном порядке и ранжире, а в том, что Акантов вдруг увидал своих... Он, кажется, никого тут не знал, никто из них с ним не служил, а были они ему родными, были его сослуживцами, товарищами по войне. Вот этот великан с русой бородой, с сурово глядящими глазами, не он, разве, вел на Карпатах батарею, сидя на рослом караковом коне?... А тот, второй с левого фланга, молодой, красивый, с серьезными глазами, не ему давал о разведке приказание Акантов, и был он тогда лихим корнетом конного полка?... Тот командовал батальоном, а этот, седой, был с казачьей сотней второй очереди при его полку... Необычайно родные лица были у них. Как сохранили они свое «Русское», пронеся его за годы скитаний через все страны света!..

Акантов не знал этих людей, а все с тревогой и сладким умилением, с замиранием сердца, всматривался в лица их и ощущал, как давно не испытанное им чувство Родины все сильнее и сильнее охватывало его и какая-то теплая волна заливала его сердце и туманила глаза.

Аплодисменты все нарастали и, наконец, достигли страшной силы. Зал потряслся от них.

Быстрыми шагами на эстраду вышел дирижер. Высоко подняв голову, блистая глазами, со строгим, серьезным, чуть скрашенным улыбкой лицом, он легко вскочил на подиум и поклонился публике.

– Я-рофф!.. Я-рофф!! – неслось сверху. Чей-то высокий женский истерический голос покрывал все остальные.

– Вот он, наш соловушко, – сказала впереди Акантова дама с седыми, серыми, коротко остриженными волосами.

Ей ответила худенькая, стройная барышня в больших очках:

– Посмотри, мама, у Василевского борода стала еще длиннее.

– Очень он хорош, – сказала седая дама.

Жаров по-военному повернулся кругом на подиуме и стал лицом к хору, аплодисменты мгновенно смолкли. Наступила строжайшая, молитвенная тишина.

В эту тишину вошел рокочущей октавой, будто и не громкий, но далеко несущийся голос.

Василевский читал ектению. Из-под нависших, густых бровей сурово сверкали его глаза.

Едва заметно было шевеление большой бороды. Мощный бас рокотал по залу:

– Вся святые помянувшие, паки и паки, миром Господу помолимся...

Будто не люди, но подлинно Лик небесный, Ангельский Лик, вздохнул чистым, прозрачным вздохом:

– Господи помилуй...

– О принесенных Честных Дарах...

Акантов уже не видел зала, не чувствовал толпы зрителей кругом. Кровавые годы войны, голодные годы тяжелого физического труда, нищеты и никчемного существования куда-то умчались. Из далекой, незабываемой глубины появились и поплыли перед глазами картины Родины-дома... того, что было. Исаакиевский Собор и торжественные службы в нем. Зимний холод и сумрак огромного храма, мягкий аромат ладана и воска, малахит и ляпис, лазурь золотого иконостаса, металл, отражающий огоньки свечек, и вот такое же совершенное пение митрополичьего хора. Истовое православное богослужение.

«Боже, Боже мой», – думал Акантов, всею душой, всем сердцем уходя в слух, – «что мы потеряли! Как, могли мы все это так легко оставить и сдать? Как не отстояли мы свою Россию от вражеской силы!.. Как смели мы не победить и остаться живыми?..».

Раздавшиеся после ектении рукоплескания были сдержанны. Молитвенное настроение охватило зал.

– *Glänzend!.. Prachtvoll!.. Unglaublich!..*¹⁵ – раздавалось кругом Акантова.

– Как это достигнуто!.. Это орган, а не живые люди!..

Уже колебались, колыхались в воздухе осторожные, почтительные, воздушные, точно и правда в облаках кадильного дыма несущиеся, порхающие около Царских врат «Заповеди блаженства».

Акантов видел, как медленно и торжественно идет «малый выход». Огромное, золотое Евангелие лежит на плече рослого, красивого дьякона. Акантов слышал и воспринимал всем сердцем слова:

– Блаженни есте, егда поносят вам, и ижденут, и рекут всяк зол глогол на вы лжуще Мене ради...

¹⁵ Блестяще! Великолепно! Невероятно! (нем.).

«О, сколько, сколько поносили нас за эти жуткие послереволюционные годы», – думал Акантов, – «сколько лгали про нас. Точно ложь воцарилась в мире».

А с эстрады, успокаивая его, несло радостно:

– Радуйтесь и веселитесь, яко мзда ваша многа на небесех... Акантов не концерт слушал, а истаивал в горячей молитве, такой, какой в храме не испытывал. Он переживал свое старое, когда горячо верил, когда еще ходил в церковь, веруя, что в ней, в Христе, истина, когда не искал ее, как ищет теперь, разуверившись в Церкви.

В антракте все задвигались, встали, пошли размять ноги, покурить, поболтать со знакомыми. У входа в кулисы толпилась молодежь, несла карточки Жарова, чтобы получить его автограф.

Акантов стал в проходе, смотрел на идущих мимо людей, стараясь, среди немецкой речи, уловить ухом русскую речь.

Высокий, худощавый человек с седеющими русыми волосами, нервно говорил маленькому седому старичку:

– Не понимаю этих восторгов Жаровским хором. Модернизировано... Под иностранца сделано. Надо послушать наш Московский синодальный хор, или хор Московской оперы; там, батенька мой, чистое искусство, подлинная народная душа, а выше нашего народа в искусстве никого нет.

– Да где вы это, Александр Иванович, услышите, когда все это отняли от нас?

– Выдуманно...

– Да что вы, профессор, выдуманно, да где же выдуманно? Не свое они поют, а Гречанинова, Чеснокова, Кастаньского, старые напевы Киевских церквей, – возразил старик.

– Может быть... Очень может быть... Мне не нравится. Вы понимаете, меня это не удовлетворяет!.. Они пошли в проход.

– Лиза, – сказал Акантов, оборачиваясь к дочери. – А как ты? Тебе понравилось?.. Почувствовала ты силу православного песнопения?..

Спокойные синие глаза прямо в глаза посмотрели Акантову. Они сейчас же и прикрылись ресницами. Тихо сказала Лиза:

– Мне трудно судить об этом, папа. Кажется, – да... Очень хорошо. Немцы-то в каком восторге!.. Но я?.. Я этого не понимаю...

VII

Лиза, пока выходил и выстраивался на эстраде хор, объясняла по программе отцу, что сейчас будут петь ораторию, сочиненную Жаровым и положенную на музыку композитором Шведовым:

– Это – история последних лет России, – торопилась Лиза своими словами рассказать. – Тут, значит, Дон, мобилизация, тревога, война, революция, молитва за павших...

Чуть слышно, в хоре на губах проиграли тревожный сигнал, и разом, громко, дружно и плавно грянул так хорошо знакомый Акантову Донской казачий гимн:

Всколыхнулся, взволновался
Православный Тихий Дон,
И послушно отозвался
На призыв Монарха он...

«Да, да», – кивая в такт пению, думал Акантов. – «Да, так оно и было. По Государеву слову, весь Дон поднялся на защиту Родины. Так и в 1812-м году не поднимались казаки: поголовно встало войско Донское по Государеву приказу. Все казачьи войска выставили много больше, чем то было положено по плану»...

Акантов слушал дальше: – два Государства, которым сам Господь указал жить в дружбе и мире, поднялись одно против другого и пошли истреблять друг друга... Грянул хор немецкий гимн:

Deutschland, Deutschland über Alles,
über Alles in der Welt!...¹⁶

И, будто навстречу гордым словам, полились, поплыли, заливая душу восторгом, великие, святые каждому русскому драгоценные, слова:

Боже царя храни...
Сильный, Державный,
Царствуй на славу,
На славу нам!...

«Трр-дам... Трр-дам... Тррр-дам», – все ускоряя темп, отстукивают по рельсам красные коробки вагонов воинских поездов. Идут, несутся на войну солдаты... Хор пел:

Мы смело двинемся вперед!...
Мы – Русские солдаты!..

Пошли стрелки Акантова...

Что это за страшные выкрики в хоре? Почему бодрую песню вдруг сменило погребальное, панихидное пение?.. С правого фланга из задней шеренги кто-то сказал страшным, за душу хватающим, печальным, глубоким, из самого сердца идущим голосом:

– Прощайте, все друзья!..
– Прощай, моя Родина!..

¹⁶ Германия, Германия над всем, над всем на свете! (нем.).

– Прощай, мой дом... И ты, Тихий Дон!..

Кто это сказал?.. Акантов знает этого широкоплечего, загорелого, с темным румянцем на щеках, человека. Как скорбны его темные глаза, как страшно смотрят они из-под нахмуренных бровей, и сколько в них неизжитой печали и скорби?.. Это Бажанов-Корниловец!.. Корниловец Бажанов!..

Сколько раз вместе дрались Акантов и Бажанов с большевиками. Скольких своих друзей, соратников схоронили они в глухих степных могилах... И, угадывая мысли Акантова, со страшным горем возглашает Бажанов:

– Вечный мир и покой пошли, Господи... Всем павшим на поле брани...

Гудит, густым органом поет под сурдинку хор: «Вечная память!.. Вечная память!..».

– Всем погибшим от ран и болезней...

Слезы застилают глаза Акантову. Сквозь нахлынувшие печальные мысли, он слышит, как гремит торжественно хор:

Слава нам, войску Донскому,
Слава нашим казакам,
Войсковому атаману,
И станицам, и полкам...

Поднялся Дон...

Бегут слезы из глаз Акантова, текут по щекам, падают на усы, капают на черный пиджак. Мешают глядеть, не дают слушать думы и воспоминания... Что это?.. Старость?..

Уже не в силах владеть собою, Акантов плакал крупными слезами. Лиза дергала отца за рукав:

– Папа!.. Папочка!.. Не надо!.. Не надо так!.. Люди тут!.. Увидят!.. Посмеются!.. Нехорошо, папочка!

Акантов не слышал дочери.

VIII

В антракте к Акантову подошел среднего роста плотный черноволосый человек неопределенного возраста:

– Ваше превосходительство, – развязно сказал он, протягивая руку Акантову. – Егор Иванович не признаете?.. Какими судьбами?.. Каким ветром вас занесло в наши края?..

Акантов вглядывался в говорившего. Большая круглая голова, со щеками хорошо проложенными салом, без морщин, с толстыми, чувственными губами, небольшие узкие глаза с искоркой, – не разберешь: дружеской или хитренькой. Говорившему можно было дать и двадцать пять лет, и все сорок пять. Неопределенное было лицо, международное. Пусты в любом городе в толпу – так сольется с ней, так растворится, что никакой сыщик не найдет его и не узнает. Русский?.. Немец?.. Кто хотите. Густые черные волосы продернуты легкой сединой, острижены по моде – у ушей и на затылке наголо; синяя кожа сквозит, на макушке волосы торчат вихром. Крошечные, стриженные усики, очень гладко, до блеска бритые щеки, хороший костюм, пестрый вульгарный галстук с бриллиантовой булавкой... Таких людей механизированный двадцатый век стандартом производит тысячами, – пойди, узнай, кто он?..

– Простите, – начал Акантов, но незнакомец, теплой пухлой ладонью сжимая руку Акантова, прервал:

– Э, полноте, где же вам всех упомянуть?.. Я – капитан Лапин. При вас еще и капитаном не был. А вы не изменились нисколько... Все та же блестящая стрелковая выправка. Мы обожали вас за нее. Стрелки говорили: «Наш стрелок Акантов»... Только, вот, усы чуть побелели и короче вы их носите теперь. Да, не поверишь, а годы, годы пронесли, промчались, как мгновение, как миг...

Этот человек брал нахрапом, напористостью, наскоком. Он колдовал словами, завораживал, как змея, пристальным глазом усыплял свою жертву своими маленькими глазками с искоркой. Он говорил непрерывно, словно боялся дать Акантову сказать слово. Как из пулемета, летели у него слова. Он говорил по-русски с теми полуиностранными оборотами и не то местечковыми, южнорусскими, не то взятыми из заграницы словами, как говорят русские, мало говорящие по-русски. И не мог определить Акантов, то ли этот капитан Лапин знал его стрелком в полку, то ли был откуда-то взявшийся, неведомый человек торговли, денег, широкой совести, коммивояжер или адвокат из мелких.

Лиза увидела знакомого в толпе и сошла со своего кресла. Лапин сейчас же пробрался на ее место и сел рядом с Акантовым:

– Вы не пойдете курить?.. Не стоит. Право. Там – толчея. И накурено!.. Дым, как коромысло. Я видел ваши слезы, ваше превосходительство. Святые, великие слезы русского человека. У меня самого под глазами щипало и за сердце брало. Как поют! И все это наше, Русское, великим народом русским созданное! А видели, какой восторг... Это новое казацкое завоевание Германии. Помните, в 1807-м году атаман Платов на реке Писсарге в Пруссии, и в 1813-м году казаки, как желанные гости, освободители Берлина?

Он знал историю. Он подкупал Акантова сердечностью голоса и искренностью глубокого восторга и патриотизма:

– Поди-ка, тогда тоже так обвораживали казаки немом своими залихватскими песнями со звонким подголоском. Скрипка. Флейта. Я всех их знаю. Услышите, как поет Болотин! Не поверите, что это голос, а не инструмент. Я никогда ни одного их концерта не пропущу. Я обожаю все русское. Я жить не могу без России...

Тут Акантов хотел сказать, что он тоже любит Россию, но прервать поток слов Лапина не было возможности. Лапин положил горячую руку на колено Акантову, как бы останавливая его, и продолжал:

– Вот говорят и пишут... В эмигрантских газетах пишут. России нет... Сплошной Эсесер и жид в нем. Э!.. Нет!.. Россия живет, несмотря ни на какого там жида. Под серым пеплом коммунизма, какими горячими угольями пылает Россия! Только раздуть, батюшка, этот уголь надо!... Ваше превосходительство, добрейший Егор Иванович, прошу вас... Если хотите еще раз и еще сильнее, глубже и ближе почувствовать Россию, на пару часов очутиться в Москве, это же волшебю будет!.. Услышите тамошний говор, тамошние песни... Вы надолго здесь?..

– Я послезавтра уезжаю, я здесь... – только успел сказать Акантов, как Лапин перебил его:

– Голубчик, дорогой мой!.. Окажите честь, не побрезгуйте старым соратником. Пожалуйста завтра к восьми ко мне... Послушаем Москву! У меня радио – нечто сверхъестественное. Послушаем, и вы увидите, что наши эмигрантские страхи-ужасы: трень-брень, ерунда-балалайка!.. Россия живет! И мы с вами, как на ковре-самолете, спустимся в самое Москву, только что не увидим ее. Это же будет великолепно. Я покажу вам, батенька, столько русского, что ваше сердце умилился. Вы где же остановились?..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.